

ДЫШЛО.

Ремесла за плечами не носишь, а съ нимъ добро. Конечно, ремесло ремеслу рознь; но всякое званіе и умѣнье кормить человѣка, а находчивость спасаетъ.

Вотъ, сударь мой, какие для примѣра бываютъ случаи. Небольшаго чина военный человѣкъ, свойственно и прилично званію своему, быль горяченекъ, сривчивъ, что говорится, скоръ на—руку. Случилось ему какъ—то переправляться на перевозѣ, и довелось сѣсть въ лодкѣ самъ—третей: съ чиновникомъ, также въ каскѣ и съ краснымъ воротомъ, да только не военнаго, а другаго вѣдомства, и съ какимъ—то купцомъ. Какая у нихъссора на водѣ вышла — этого достовѣрно не знаю; должно быть, за непочтительность; но ужъ лодка стала подплывать къ противному берегу, какъ военный, не говоря худаго слова, хватъ своего сосѣда всей пятерней повыше краснаго воротника. На лодкѣ поднялся

крикъ, суматоха; перевозчикъ чуть не выронилъ изъ рукъ весель; между-тѣмъ проходитъ берегомъ, либо стоитъ и ждеть переправки, аудиторскій писарь. Увидѣвъ такое причинное дѣло и понимая всю важность его, онъ, какъ опытный въ такихъ дѣлахъ человѣкъ, тотчасъ спохватился — какъ же и не помочь своему брату, военному — и кричить во весь голосъ на лодку: «Ваше благородіе, что вы это дѣлаете? вѣдь бѣда будетъ! Бейте скорѣе въ рожу купца-то ради прикосновенности, чтобы не годился въ свидѣтели!»

Вотъ, сударь, кабы этотъ добрый человѣкъ не подоспѣлъ со стороны во-время и кстати, чтобы научить молодаго офицера уму-разуму, такъ бѣдному могло бы быть и худо: перевозчикъ да купецъ, два стороннихъ, неприкословенныхъ къ дѣлу и не отводныхъ свидѣтеля, еслибъ они сдѣлали подъ присягой согласное показаніе, составили бѣ этимъ полную и законную улику, на основаніи которой судъ былъ бы вынужденъ обвинить военного; а какъ одинъ только свидѣтель, перевозчикъ, не

винить еще передъ судомъ обвиняемаго, а другой отводится и не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, будучи и самъ истцомъ, то судъ могъ развѣ только оставить обвиняемаго въ подозрѣніи. Не сообрази человѣкъ всего этого второпяхъ, да не поправься, поколѣ еще было время — ну, и пропалъ бы, что называется, ни за грошъ.

Правда и то, что коли о всякомъ дѣлѣ говорять, что оно мастера боится, то о дѣлахъ этого рода, гдѣ все висить на тонкостяхъ, и подавно надо разумѣть то же. Надо всѣ эти тонкости знать; надо быть большимъ законникомъ и держать на—готовѣ всѣ приправы и уловки, чтобы не попасться, не опростоволоситься. А ловкій законникъ, смысленый подъячій и стряпунъ, тертый приказный — куда какъ ину пору вертитъ дѣлами; бѣда, да и только; вся власть въ его рукахъ. И черно — бѣло, и бѣло — черно, и красно пестро; словомъ, ровно добрый плотникъ: что захотѣль, то и срубиль; за всякое дѣло

какъ за дышло берется: куда хотеть, туда и воротить.

Вотъ, сударь, была у насъ этакая хорошая штука, какъ секретарь гражданской палаты, у котораго, кромѣ пера съ махалкой, не было никакихъ родовыхъ вотчинъ — продалъ съ тысячу десятинъ лѣсу, да еще и строеваго. Лѣсъ этотъ продалъ онъ больно—дешево, потому—что онъ быль чужой, но за—то продалъ его крѣпко, все одно, то—есть, что обвѣнчаль, и денежки сполна получиль и во владѣніе ввелъ. Ловкій быль человѣкъ на эти дѣла, дока!

Вишь, одинъ помѣщикъ покупалъ у другаго имѣніе, да долго не сходились въ цѣнѣ, да въ условіяхъ. Покупщику хотѣлось купить вотчину—ту съ лѣсомъ — а лѣсъ быль знатный, особнякъ. Продавецъ дорожился, и дорожился именно по своимъ разсчетамъ за лѣсъ. «Ну» говорить, «такъ изволь купить имѣніе мое безъ лѣсу; покиньте его мнѣ»; а опричь лѣсу, вишь, они въ цѣнѣ сходились. «Нѣтъ» говорить тотъ: «безъ лѣсу купить бы не хотѣлось.

Что ужъ мнѣ козла въ огородъ пускать, держать сосѣда въ особнякѣ; лучше уступите, да отдайте и съ лѣскомъ, такъ будемъ сватами.» Ну, вотъ они и съѣхались по уговору вечеркомъ для этого дѣла, чтобы, то—есть, поступившись другъ другу тѣмъ—сѣмъ, сладить, порѣшить, да написать условія для купчей. Съѣхавшись, да и пригласили къ этому дѣлу, какъ человѣка свѣдущаго, секретаря гражданской палаты. У него же въ рукахъ будетъ и дѣло это вершиться, такъ оно ужъ одно къ одному, и кстати.

Сошлись, толковали долгонько, а все какъ—то ихъ толкъ—отъ не береть. Одинъ опять гнеть въ свою сторону: «Давай, говорить, куплю съ лѣсомъ», другой воротить въ свою: «Коли 25 тысячи не дашь за лѣсъ, такъ покинь его, торгуй вотчину по себѣ, а лѣсъ пусть будетъ за мною». Дѣло—то все какъ—то и не клеится.

Тѣмъ временемъ продавецъ на часокъ вышелъ; а секретарь, оглянувшись, и говорить вполголоса покупщику:

— Вамъ болыно хочется купить вотчину—
ту съ лѣсомъ?

— Да, говорить: — очень бы желательно,
да дорожится; этой цѣны дать нельзя, а
безъ лѣсу что—то неохота пускаться.

— Такъ покупайте скорѣе имѣніе безъ
лѣсу, да молчите и не хлопочите ни о чёмъ:
лѣсъ будеть вашъ.

— Какъ же такъ?

— Лѣсъ вы у меня купите; я вамъ его
продамъ. Что дадите?

— Да какъ же вы его продадите? Я что—
то не пойму.

— И не ваша забота понимать, это мое
дѣло, продамъ, да и только, и будеть вашъ.
Что дадите?

— Да не знаю, право, какъ это...

— Чего вамъ знать? Толковать долго
никогда; вотъ воротится продавецъ, такъ и
кончены торги наши. Хотите купить, такъ
покупайте — будеть крѣпко.

— Что просите?

— Нынѣшній хозяинъ не отдаетъ ниже 25
тысячъ, я скизываю 15 тысячъ, дорожиться
не хочу; но ужь меньше ни копейки.

— Да какъ же вы продадите чужой лѣсь?

— Опять—таки! Говорю вамъ, что это не ваша забота; коли продамъ, такъ будеть не чужой, а вашъ; впередъ не возьму ничего, для вѣрности можно раздѣлить задаточекъ такъ, чтобы моя половина безъ вашей не годилась въ дѣло.

Сладили и ударили по рукамъ.

Продавецъ воротился. «Ну» говорить покупщикъ, «видно съ вами не сладишь — безъ лѣсу, такъ безъ лѣсу, давайте писать условіе. Не вѣкъ жить изъ—за этого дѣла въ городѣ: пора и ко дворамъ.» Секретарь живо настрочилъ, къ обоюдному удовольствію, всѣ условія, толкъ короткій, примѣрную купчую, а обѣ лѣсъ ни тутъ, ни тамъ нѣть и помину. «Дѣло обѣ лѣсъ», сказаль секретарь на ушко покупателю «особъ статья; ее мы обдѣляемъ утре. Утро вечера мудренѣе».

На другой день живо и безъ всякой задержки переписали набѣло купчую, засвидѣтельствовали какъ слѣдуетъ, еще разъ толкомъ прочитали, записали въ крѣпостную книгу... Покупщикъ все

поглядываетъ на секретаря, видя, что дѣло подходитъ къ концу, а обѣ лѣсѣ нѣть и рѣчи; а секретарь только мигаетъ и киваетъ ему на всѣ лады, чтобы только угомонить его и увѣрить, что дѣло будетъ сдѣлано. Дрогнула—было рука у покупщика напослѣдокъ, какъ пришлось расписываться въ книгѣ, за подписью продавца, въ полученіи подлинной купчай; но секретарь опять—таки его съумѣль кой—какъ успокоить и дѣло кончилось благополучно; раскланялись и разошлись.

Этого покупщикъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ и тотчасъ же, проводивъ продавца, воротился въ палату, чтобы потребовать отчета у секретаря.

— Будьте, пожалуйста, спокойны, сказалъ тотъ: — дѣло ваше идетъ своимъ порядкомъ, какъ—нельзя—лучше. Приходите ко мнѣ на домъ тотчасъ послѣ присутствія, да готовьте деньги.

Покупщикъ, выждавъ съ большимъ нетерпѣніемъ урочное время, приходитъ, и съ какимъ—то тягостнымъ недоумѣніемъ

глядить секретарю—продавцу въ глаза, не понимая, чѣмъ теперь дѣло это кончится.

— Ну, началь тотъ: — такъ вамъ желательно пріобрѣсти лѣсъ, а владѣлецъ упрямится, не продаетъ: и продадимъ и купимъ безъ него, не обезпокоимъ. Пожалуйте купчую, гдѣ она у васъ? въ купчей этой лѣсу нѣть?

— Вы сами знаете, что нѣть.

— Ну, стало—быть, она намъ и негодится.

И за словомъ изорвалъ ее въ клочки. Покупщикъ испугался—было этого невиданного способа покупки лѣса и кинулся на свою купчую; но тотъ, отвернувшись рѣшительно въ сторону, покончилъ свое дѣло.

— Теперь, продолжалъ онъ: — у васъ и купчей нѣть: она затеряна; вы подадите завтра же просьбу объ этомъ въ палату — вотъ она и просьба готова; вы требуете копію съ крѣпостной книги: это будетъ такая жъ купчая, она ей во всемъ равносильна; а тамъ—то, изволите видѣть,

въ крѣпостной книгѣ, лѣсъ—то есть, и включенъ онъ въ одну цѣну.

— Какъ такъ? спросилъ озадаченный покупщикъ, все еще неясно понимая, въ чёмъ дѣло.

— Я вамъ говорю, что, за утратою подлинной купчай, выдадимъ вамъ другую, списавъ ее съ крѣпостной книги, а тамъ лѣсъ вписанъ; вѣдь въ книгѣ—то оба вы съ продавцомъ расписались, не прочитавъ записки; на это—то я и биль. Готовьте другую половину бумажекъ, да подписывайте—ка вотъ просьбу.

Замѣчаніе о другой половинѣ бумажекъ относится къ тому, что, заключивъ между собою *законное* условіе о продажѣ и покупкѣ чужаго лѣса, пріятели другъ другу не довѣряли, а потому покупщикъ и разорвалъ условную сумму пополамъ, раздѣливъ ее такимъ—образомъ, что одному достались однѣ верхнія, другому нижнія половинки. Такъ у насъ колоть пополамъ и бирки съ зарубками, для вѣрнаго взаимнаго счета.

Покупщикъ подалъ просьбу въ палату о томъ, что потерялъ свою купчую, и просилъ о выдачѣ довѣреннаго списка, изъ книги. Дѣло это обычное, бывалое; никто въ палатѣ не обратилъ на это большаго вниманія, и списокъ былъ выданъ, вѣрный отъ буквы до буквы съ подлинникомъ, потому—что статья въ крѣпостной книгѣ составляеть настоящій документъ. Въ спискѣ этомъ, какъ обѣщалъ секретарь, оказался и лѣсъ, о коемъ идетъ рѣчь, съ подробнымъ обозначеніемъ межъ и граней. Покупщикъ, по совѣту секретаря, помѣшкалъ нѣсколько, протянуль время, подалъ просьбу о вводѣ во владѣніе, выждалъ сроки, и сталаъ безспорнымъ владѣльцемъ купленной вотчины и лѣса. Бывшій владѣлецъ, узнавъ объ этомъ, когда уже пошла рубка въ лѣсу и полѣсовщики его были высланы, закричаль—было, какъ говорится, въ свинъ голосъ, зашумѣлъ; но когда ему растолковали дѣло и показали въ крѣпостной книгѣ четкую подпись его, то онъ содрогнулся отъ ужаса при мысли о такой неслыханно—наглой продѣлкѣ,

смирился поневолѣ и стала усердно совѣтовать всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ, другу и нидругу, читать со вниманіемъ все, что они подписываютъ, даже готовые документы, записываемые при куплѣ и продажѣ въ крѣпостную книгу, чего нынѣ почти никто не дѣлаетъ, довольствуясь обычно тѣмъ, что читаютъ и перечитываютъ самыи акты. Никому не приходитъ въ голову, что можно совершить подложный актъ, а въ книгу, другимъ подлогомъ, записать другое, и что, при утратѣ купчей, крѣпостная книга рѣшаетъ дѣло.

Вообще, довольно—опасно не читать того, что подписываешь. Я зналъ секретаря, который, приходя съ докладомъ, всегда приносилъ съ собою небольшой запасъ безсмысленныхъ бумагъ, подписанныхъ въ задумчивости, или въ часъ недосуга начальникомъ; бумаги эти служили острѣсткой и пугаломъ, если начальникъ упрямился и не хотѣлъ чего—либо подписать, или уступить въ чемъ секретарю. Каждая изъ такихъ бумагъ

выкупалась новой жертвой, новою уступкой, и затмъ уничтожалась; но какъ начальнику не было извѣстно, какъ великъ былъ этотъ грозный запасъ подпісанныхъ имъ беззаконій, то онъ и не выходилъ изъ кабалы у своего письмоводца.
